

Острова Спратли между болевых точек

В редакционной статье “Европейское равновесие и кризис порядка” от ноября 2022 года мы говорили о политике альянсов Бисмарка в трактовке Генри Киссинджера и Михаэля Штюрмера. С одной стороны, «пересекающиеся союзы», многочисленные альянсы Германии конца XIX века, способствовали утверждению Германии в системе европейского равновесия тем, что связывали ключевых игроков, препятствуя формированию антигерманской коалиции. С другой стороны, в объективной динамике неравномерного империалистического развития, ускоренного возвышением Америки и Японии, утверждение самой Германии способствовало подрыву европейского и мирового равновесия, вплоть до полного его слома, который приведёт уже вильгельмовскую Германию к первой мировой войне.

В конечном счёте, бисмарковский и вильгельмовский периоды – это два различных, но не разделимых момента в империалистической диалектике, и их можно применять как образцы при изучении становления новых держав. К многовекторной политике квазиальянсов теперь прибегает и китайский “дракон” в своих благодушных притязаниях на мирное возвышение, но, как и столетие назад, именно этот процесс является одновременно движущей силой кризиса глобального порядка. Бури, вызванные «переменами, которых не видели сто лет», как говорят китайцы, станут настоящим испытанием для любой политики равновесия.

Бисмарк, но уже с Тирпицем

На сегодня, как пишет бывший редактор *Global Times* Ху Сицзинь, «в это трудно поверить с геополитической точки зрения, но Китай это сделал»: он преуспел в «балансировке отношений с Россией, Соединёнными Штатами и Европой». Таким должен быть «стратегический мегапроект Китая 20-х годов»: наладить прочные отношения с российским соседом, обеспечив при этом эффективный стратегический баланс со старыми державами. В этом смысле, как мы утверждаем, речь идёт о бисмарковском, но ещё не вильгельмовском Китае, поскольку Пекин уже приступил к реализации своего “плана Тирпица” по перевооружению военно-морского флота.

Ху Сицзинь, прежде всего, видит несколько моментов в нынешней политике баланса. Отношения «спина к спине» между Москвой и Пекином являются одним из факторов, заставляющих Вашингтон проявлять осторожность в отношении Китая, который, в свою очередь, может стремиться хотя бы к ослаблению напряжённости в отношениях с США, если уже не к стратегическому партнёрству, поскольку Вашингтон теперь считает именно Пекин, а не Москву, своим главным стратегическим соперником. Россия, с другой стороны, не возражает и не может возражать против развития отношений между Китаем и Западом. США и ЕС также не смогли оказать достаточного давления на китайско-российские связи. По мнению других источников, здесь имеют значение и сигналы со стороны Пекина с предложением выступить посредником в Украине, а также взвешенное дистанцирование от российской агрессии. Сигналы были восприняты в основном в Европе.

По мнению Ху, у Китая достаточно пространства для манёвра между США и ЕС, двумя атлантическими державами старого порядка. Большинство европейских стран не хотят мириться с тем, что “атлантизм” препятствует сотрудничеству с Китаем, как это можно было понять, наблюдая за реакцией на разрыв энергетических связей с Москвой в результате войны. Таким образом, получается, что «Запад рассыпался перед лицом Китая». Европа, пишет Ху, оказалась «в неловком положении» между враждебными отношениями с Москвой и растущей зависимостью от США, особенно в военной сфере. Китай может предложить себя в качестве «рычага» для поддержки европейской автономии, и это, в свою очередь, открывает перед Пекином возможность для «стратегического равновесия».

Многовекторные балансы новых держав

Своей политикой балансирования Китай попытается предотвратить евроатлантическую дуополию, которая выступила бы против Дракона. Визит Олафа Шольца в Китай, подтвердивший преемственность многосторонней линии Ангелы Меркель, показывает,

насколько Берлин в отношениях с Пекином не отказывается от сохранения европейской карты в пользу перебалансировки трансатлантических отношений. Отголоски старого «единого фронта» также заметны в реконструкции Ху, но тогда маоистская игра была направлена на Европу и Японию, чтобы уравновесить США и СССР, а конкуренция с Москвой за «третий мир» не имела такой огневой мощи, как триллион долларов Шёлкового пути. Необходимо также учитывать трансформацию «неприсоединившихся» в новые многосторонние державы «Глобального Юга». Визит новоизбранного президента Индонезии Прабово Субианто в Пекин и Токио был воспринят как отработка навыка «дипломатического балансирования» в отношении Японии, которая способствовала вступлению Джакарты в старый картель ОЭСР. Отсутствие Индии и Японии в архитектуре Ху может быть временным, а может свидетельствовать о шероховатостях в отношениях с Китаем.

В серии статей в *The Indian Express* Раджа Мохан рисует положительный баланс индийской многосторонней политики. Усиление Китая побудило Индию искать противовес в США, Европе и Японии: приверженность Индии индо-тихоокеанской концепции, выдвинутой Вашингтоном и Токио в рамках Quad, «*вполне обоснована*», хотя поначалу её и считали «американским заговором» с целью «заманить» Индию в ловушку сдерживания Китая. Украинская война также побудила Дели больше ориентироваться на Европу, не в последнюю очередь в качестве противовеса более неопределённым отношениям с Москвой. И наоборот, политическое взаимодействие с Китаем в рамках индийской многовекторности, по мнению Мохана, не отменяется, но должно быть «приостановлено».

“Момент Дэна” для Моди

Нюансы не ускользнули от Лю Цзунъи из Шанхайского института международных исследований: он комментирует в *Greater Bay Area Review*, как индийский полюс «*многополярной Азии в многополярном мире*», по формуле министра Субраманьяма Джайшанкара, вряд ли сможет долго избегать отношений с Драконом. По мнению Мохана, «*более уверенная в себе Индия в отношениях с великими державами*» должна преодолеть «*традиционные страхи*» быть «*пойманной в ловушку или брошенной*» США и сосредоточиться на возможностях, которые предлагают старые державы, чтобы ускорить собственное развитие, сократить разрыв с Пекином и укрепить военное сдерживание, а затем вернуться «*к взаимодействию с Китаем*». Индийский «момент Дэн Сяопина», как мы отмечаем, придал бы Дели статус, который был у Пекина в треугольнике с США и СССР после открытия отношений с Вашингтоном в 1970-х годах, но остаются сомнения относительно темпов открытия Индии для иностранного капитала.

По мнению Мохана, старые опасения, что две сверхдержавы – американская и китайская – в итоге заключат «*большую сделку*» за влияние в Азии «*в ущерб американским друзьям и партнёрам*», разделяет и Япония, но Токио предпринял решительные шаги. В Америке по-прежнему заинтересованы в выгодных отношениях с Пекином в экономической сфере, что подтверждает длительное турне Джанет Йеллен по Китаю; но Нью-Дели внимательно смотрит на «*другую сторону медали*»: военные соглашения США с Японией.

Новая японская активность

О саммите в Вашингтоне между Джо Байденом и Фумио Кисидой, который был проведён в трёхстороннем формате с президентом Филиппин Фердинандом Маркосом-младшим, говорилось, что «*минилатерализм*» станет одной из форм переориентации США в Азии. Джейк Салливан описывает региональную «*сеть безопасности*», начиная с групп AUKUS и Quad, а также Кэмп-Дэвидских соглашений с Токио и Сеулом, заключённых в августе прошлого года и упомянутых в совместном заявлении. По мнению Гидеона Рахмана, Вашингтон и Токио обновляют двусторонние отношения в сфере безопасности на основе изменений, уже произошедших в результате японской «Смены эпох» – перевооружения, углубления военно-промышленных и военных связей и пути к «*более интегрированному*» альянсу. Токио объявляет о создании «*многоуровневой оборонной сети*» с другими странами-«*единомышленниками*»; Байден – о «*воздушной, ракетной и оборонной архитектуре*» с Австралией и Японией.

Лю Цзяньъюн, проректор Института международных отношений под руководством Янь Сюэтуна в Цинхуа, подчёркивает более активную роль Страны восходящего солнца, которая теперь не простой ведомый, а «*активный сотрудник*». Токио намерен добиться большей военной автономии, сделав себя необходимым для США, и укрепить своё равновесие в Азии, используя американские альянсы – в северном треугольнике с Кореей и в южном с Филиппинами. Это соединит моря вокруг Китая.

Манила выкладывает Спратли на азиатский стол

Global Times отмечает активность Японии в до сих пор дремлющем Южно-Китайском море. Сингапурская газета *Straits Times* иронизирует над тем, что США вновь втянули Японию в военные действия в регионе, где с помощью серии войн с 1898 года они пытались держать её под контролем. Саммит между США, Японией и Филиппинами, которому предшествовали военно-морские учения как Китая, так и трёх участников встречи, устанавливает «*трёхсторонний морской диалог*», который выведет на международный уровень китайско-филиппинский территориальный спор вокруг островов Спратли, одной из болевых точек империалистического противостояния. По мнению Курта Кэмпбелла, архитектора азиатского поворота, придание этому диалогу «*регулярного характера*» защитит японо-американские стратегические интересы в Южно-Китайском море.

Опорная ось формируется через «*сеть*» частичных союзов: это уже вряд ли будет «*азиатское НАТО*», которое ускорило бы ход событий, но всё же это повышение температуры в спорных морях. Байден устно продлил гарантии Договора о взаимной обороне 1951 года, сославшись на «Сьерра-Мадре», старое военно-морское судно, которое Манила посадила на мель в районе Второго Томаса, на полузатопленные рифы на которые претендует также Пекин. Китайские комментаторы также видят там тень азиатских ракет. Тихоокеанское командование США объявляет о развёртывании системы *Турпон* на севере Филиппин для проведения совместных учений. *Турпон* может запускать крылатые ракеты *Tomahawk* и противокорабельные ракеты в Южно-Китайском море. Крылатые ракеты *BrahMos*, поставляемые Индией, также послужат Маниле для защиты Спратли. Бисмарковский момент Пекина также несёт в себе ракетную угрозу.

Апрель 2024 г.